

Литература

- Acuña L. A.* Diccionario de bogotanismos // Revista de Folklore. – núm. 7. – Bogotá, 1951. – Pp. 5 – 187. *Aguirre B., Hernández C.* Curso de Español comercial. – Madrid: Sociedad General Española de Librería, SA, 1990. – 216 p. *Americanismos.* Diccionario ilustrado Sopena. – Barcelona: Sopena, 1983. – 1725 p. *Arguedas J. M.* Los ríos profundos. – Caracas: Biblioteca Ayacucho de Caracas, 1978. – 210 p. *Arguedas J. M.* Todas las sangres. – Barcelona: Seix Barral, 1985. – 167 p. *Arona J. de.* Diccionario de peruanismos. – T. 1. – Lima: San Marcos, 1974. – 1092 p. *Arona J. de.* Diccionario de peruanismos. – T. 2. – Lima: San Marcos, 1975. – 1136 p. *Diccionario del habla chilena.* – Santiago de Chile: AVE, 1978. – 512 p. *Diccionario marino.* Coordinado por Patricia Viggiano y Umberto Cadals i Pujol. – Buenos Aires: Alibri, 2004. – 964 p. *DRAE – Diccionario de la Lengua Española.* – Madrid: Real Academia Española, Vigésima segunda edición, 2001. – T. I a/g. – Pp. 1 – 1180; T. II h/z. – Pp. 1181 – 2369. *Enciclopedia Escolar y de Cultura General.* – Buenos Aires: Editorial Atlántida, 1951. – 695 p. *ENCICLOPEDIA LATINOAMERICANA.* – Sader E., Jinkings I., Martins C. E., Nobile R (Coords.). Enciclopedia Contemporánea de América Latina y el Caribe. – Madrid: AKAL / Boitempo / CLACSO, 2009. – 1348 p. *Enciclopedia Salvat de la Ciencia y de la tecnología.* – T. 1 – 15. – Barcelona: Sopena, 1964. *Everest.* Diccionario práctico de americanismos. Coordinado por Enrique Aldama. – León: Editorial España, 1996. – 837 p. *García Muñoz A.* Estampas en mi ciudad. – Quito: Ediciones Arévalo, 1987. *Guerrero L.* Pichamán. – Santiago: Ercilla, 1993. – 182 p. *Humberto T.* Noviembre. – San Salvador: Ocampo, 1981. – 271 p. *Lugones L.* El Ángel de la Sombra // Lugones, Leopoldo. *Obras completas.* – Buenos Aires: Ediciones Pasco, 1999. – 714 p. *Malaret A.* Diccionario de americanismos. – Buenos Aires: Atlántida, 1946. *Onetti J. C.* El astillero – Madrid: Punto de Lectura S.L., 2008. – 238 p. *Pequeño Espasa Ilustrado.* – Madrid: Altair, 2009. – 1920 p. *Steel B.* Diccionario de americanismos. – Madrid: Sociedad General Española de Librería, S.A., 1990. – 445 p. *Vargas Llosa M.* La casa verde. – Lima: Editorial La Oveja Negra Ltda, 1984. – 438 p. *ИРС – Испанско-русский словарь* // Под редакцией Б.П. Нарумова. – М., 1988. – 832 с.

ШИПИЦЫНА Г.М.
(Белгородский гос. ун-т)

О НЕОФРАЗЕМАХ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

The process of units phraseologing is analyzed on the sample of neo-phrase "включить печатный станок" (to turn the printing machine on). Comparing its contents to the mental values system of the Russians the author states that such neo-phrasemas are oriented towards their semantic peculiarities keeping on the level of the superficial semantic layer, presenting the denotational performance in a figurative way. Such neo-phrase turns out to be a convenient way of negative information neutralizing.

Key-words: anthropocentrism, phraseologing, neo-phrase, euphemizing, lingvopragmatics, implicate meanings, semantic phrasema structure, superficial meaningful layer, inner form, mentality of the Russians, perceptive experience, social consciousness.

Движение лингвистики к антропоцентризму Г.М. Николаева комментирует следующим образом: это движение было «дрейфом от тезиса о функционировании языка «в самом себе и для себя» в тезис – «под влиянием внешних обстоятельств и

для нас» [Николаева 2000: 16]. Положение о связи человека с действительностью через язык, отражающей взаимообусловленные факторы креативной и эмоционально-оценочной деятельности отправителей и получателей информации, лежит в основе предлагаемой нами модели фразеологизации актуальных свободных словосочетаний - неофразем XXI века. Фразеологизацию мы понимаем как приобретение свободным словосочетанием признаков фразеологизма, таких, как устойчивость, воспроизводимость, утрата (в той или иной степени) компонентами оборота самостоятельной семантической функции в пределах этого словосочетания и приобретение целостного метафорического значения, не сводимого к сумме значений компонентов. Особый интерес для нас представляет анализ неофразем в аспекте декодирования заложенной в них имплицитной информации прагматического характера.

Рассмотрим эти вопросы на примере актуализировавшегося в русском языке новейшего времени словосочетания *включить печатный станок* из серии словосочетаний новейшего времени, построенных по принципу недосказанности обобщения (*либерализация цен, свободный рынок, потребительская корзина, деревянный рубль, черная сборка, теневая экономика* и т.д.), они содержат дополнительную информацию, названную И.Р. Гальпериным содержательно-подтекстовой. Такая информация «возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом» [Гальперин 2005: 45]. При этом коммуникативно значимым является именно неэксплицированный смысл, который по-разному ощущается и домысливается носителями языка в зависимости от их понимания денотативной ситуации, отраженной во фразеологизме. Интересно то, что в словосочетании *включить печатный станок* таким неэксплицированным смыслом оказывается не периферийная зона смысловой структуры, а скорее центральная, то есть сигнификативное и денотативное значение: «начать печатать и вводить в денежный оборот страны дополнительное количество бумажных денег, не обеспеченных совокупным общественным продуктом» (ТСРЯ XXI в.). Например: *В августе Центробанк включил печатный станок и принялся активно пополнять золотовалютные запасы, скупая на бирже «нефтьдоллары». Как и следовало ожидать, рубль почти каждый день начал терять несколько копеек* (газ. «Труд» 17.08.04).

Неофраземы такого рода предназначены для обозначения явлений, которые по каким-либо общественно-политическим, нравственным, этическим причинам нежелательно или невыгодно для субъекта речи выражать прямо, поэтому находятся или создаются языковые средства с приглушенной прагматикой по принципу эвфемизации, то есть вуалирования общественно значимого содержания. Общественно значимая, экономически важная семантика оборота *включить печатный станок* могла бы быть эксплицирована более точно средствами той же лексической парадигмы, например, словосочетанием терминологического характера *произвести эмиссию денег* или общеупотребительной фразой *напечатать много лишних денег*, но эти языковые средства как минимум могли бы насторожить электорат, вызвать ненужные эмоции, стимулируя раздумья о последствиях такого действия, поскольку «Высокий доход от эмиссии денег и высокий уровень инфляции всегда сопутствуют друг другу» (Миллер Р.Л., Ван-Хуз Д.Д. 2000: 38). Понимание связей между денежной эмиссией, последующей гиперинфляцией и ростом цен у людей, неоднократно переживших это в прошлом, а также множество тяжелых для

народа денежных реформ, кризисов и т.п., имеется. Так, «в 1991 г. в обращение было выпущено денег больше, чем за все предшествующие тридцать лет... Доверие к рублю продолжало падать. В дальнейшем инфляция еще больше усилилась» (Зверев С.В. 2005: 40). И ранее: «Одним из важнейших источников финансирования в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. стала денежная эмиссия, что вызвало инфляцию ... При этом быстрое увеличение денежной массы вызвало резкий рост цен на рынке. В целях изъятия лишних денег были установлены высокие цены в государственной коммерческой торговле, принудительно распространялись государственные займы» (Зверев С.В. 2005: 37). Между этими периодами была не одна денежная реформа.

Итак, вариант языковой репрезентации концепта «денежная эмиссия» с помощью неологизма *включить печатный станок* почти свободен от тревожащей сознание прагматики, так как его лексический состав не нацелен на передачу возможных экономических и социальных последствий печатания эмиссионных денег, поскольку буквальный и метафорический смыслы оборота отдалены друг от друга.

«Отбор всех языковых средств производится под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа» [Бахтин 1986: 232], поэтому большинство предосудительных коммуникативных целей либо прямо имплицитно ложность предложения, либо в той или иной форме искажает картину действительности (Арутюнова Н.Д. 1985). Язык отражает особенности национального менталитета, каждый язык налагает на эмоциональный опыт людей свою собственную классификационную сетку (Вежбицкая А. 1999: 507). Эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре и приносят с собой культуроспецифическую точку зрения (Вежбицкая А. 1999: 523). Оборот *включить печатный станок* оказался удобной формой нейтрализации взрывоопасной информации, поскольку на поверхностном уровне его смысловой структуры не содержится прямого указания на цель и последствия включения печатного станка. Это действие в сюжете словосочетания представлено как самый начальный его этап в чисто механической ипостаси, а в отношении к российской ментальности позиционирует его вообще только как определенную возможность продолжения задуманного процесса, которая впрочем может и не реализоваться. И это несмотря на то, что в обороте *включить печатный станок* грамматическая форма глагола *включить* (совершенный вид со значением результативно законченного действия и инфинитив с потенциальной модальностью предписания) вроде бы нацелена на выражение решительных намерений и обязательности выполнения действия. Однако лексический состав и особенно интерпретационное поле оборота «успокаивают» общественное сознание, обеспечивая нейтральное восприятие этого действия. Язык отражает не только мир действительности, но и опыт человека в его познании, закрепленной в национальной картине мира. Восприятие неологизма *включить печатный станок* задано ментальным стереотипом эмпирических ассоциаций носителей языка. Слово *включить* в значении «присоединив к источнику энергии, привести в действие, пустить в ход» (*включить мотор, станок, утюг* и т.п.) (МАС) для русского народа, воспитанного далеко не идеальным производственным и бытовым опытом, факт включения какого-либо устройства (особенно русского производства), еще не означает гарантированной последующей работы этого устройства (станки часто ломаются, потому на производстве была востребованной специальность наладчиков станков), кроме того станок может и вовсе не включиться. Фактически глаголом

включить, не поддержанным в контексте оборота модальным словом со значением обязательности (*немедленно, срочно, непременно* и т.п.) провозглашаются всего лишь вамерения, которые для российской ментальности выглядят примерно так, как лингвисты квалифицируют прагматику глагола *постараюсь*: «Говоря *постараюсь*, человек всего лишь сообщает, что он в принципе готов предпринять усилия для осуществления этого действия, однако не обещает расшибиться в лешку – ему могут помешать различные внешние обстоятельства, в том числе его собственное нежелание» (Зализняк А.А. 2005: 64).

Семантическим и прагматическим центром выражения *включить печатный станок* оказывается слово *станок* в значении «машина для обработки металла, дерева и т.п. или для изготовления, производства чего-либо» (*токарный станок, типографский станок, ткацкий станок*). Оно образовано от слова *стан* в значении «приспособление, сооружение (обычно деревянное) для каких-либо работ (*мельничный стан, ткацкий стан*)» (МАС) с помощью уменьшительного суффикса –ок. Внутренняя форма сохранилась, и «она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (Потебня А.А. 1973: 210 – 211). Образно-предметная мотивация обеспечивает устойчивую связь деривата *станок* со своим производящим словом *стан*, что создает основу для ассоциативной актуализации буквального значения производного слова. Поверхностный слой семантической структуры фразеологизирующего оборота вызывает в сознании носителей языка известный из перцептивного опыта наглядно-чувственные образы стана и станка. Безусловно, эти образы будут различными и разных носителей языка в зависимости от того, какие станы и станки им известны. Однако с уверенностью можно утверждать, что большая часть носителей языка могла и не видеть действительное производство денежной массы, еще какая-то их часть вообще никаких станков не видела, кроме станков и станочков бытового назначения. Потому перцептивные представления о промышленном производстве такой продукции, как деньги, может и не вызвать каких-либо негативных эмоций в обыденном сознании носителей языка. Ведь если станок – это всего лишь маленький стан, то много ли на нем напечатаешь? Немного, даже если он будет хорошо работать.

Поскольку креативные возможности носителей языка обусловлены их общественным сознанием и личным опытом, фразеологизм *включить печатный станок* оказался весьма удобной структурой для удержания поверхностно-денотативной семантики на уровне «ближайшего значения» фразы (а только оно одно «составляет действительное содержание мысли» (по А.А. Потебне). Пустота «ближайшего значения» в сравнении с концептуальным, понятийным содержанием неофраземы очевидна. Кроме вуалирования негативного смысла реализованный вариант номинации отличается от синонимичных доступностью и адаптированностью способа выражения концепта. Его яркая внутренняя форма позволяет каждому носителю языка легко актуализировать концептуальный смысл.

Оценивая содержание анализируемого устойчивого словосочетания с лингвокультурологических позиций, соотнося его с ментальной системой ценностей россиян, отметим, что устойчивые выражения такого рода ориентированы не столько на выражение действительной прагматики, сколько на удержание семантики на уровне поверхностного смыслового слоя оборота, картинно-образно представляющего денотативный театр действий. Механизмом, обеспечивающим данную функцию устойчивого сочетания, оказывается актуализация ядерных сигнификативных и денотативных сем поверхностного слоя его смысловой структуры

в ущерб прагматическим семам периферийной зоны, нагруженным культурноносным содержанием.

Итак, структурно-содержательные особенности неофраземы *включить печатный станок* в конечном счете обусловлены социальной жизнью носителей языка как внешней среды функционирования языковой системы, пресуппозицией дискурса и сущностью коммуникативной стратегии сообщения. Названные в данной статье пресуппозитивные факторы, обусловившие лингвопрагматическое содержание неофраземы, – очевидно, не носят исчерпывающего характера, но являются важнейшими элементами процесса создания неофраземы и процесса усвоения его содержания различными социальными группами носителей русского языка XXI века.

Литература

- Арутюнова, Н.Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е.В. Падучева. Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – 1985. – С. 55 – 60. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества. Изд. 2. – М.: Искусство, 1986. – 444 с. *Вежицкая, Анна.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: УРСС, 2005. – 144 с. *Зализняк, А.А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б., Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – 540 с. *Зверев, С.В.* История денег в России. – М.: Инкомбук, 2005. – 78 с. *Миллер, Р.Л., Ван-Хуз, Д.Д.* Современные деньги и банковское дело : Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2000- - 856 с. *Николаева, Т.М.* От звука к тексту: (Человек и язык. Язык: разгадки и загадки. Язык и текст). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с. *Потебня, А.А.* Мысль и язык / Хрестоматия по истории русского языкознания. Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Высш.школа», 1973. – С. 207 – 213. *Словари: (МАС) – Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981 – 1984; (ТСРЯ XXI в.) – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2000.*